

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

**Первый польский сейм после
восстановления патриархом
Феофаном православной церковной
иерархии**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1905. № 12. С. 723-747.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Первый польскій сеймъ послѣ возстановленія патр. Феофаномъ православной церковной іерархіи.

СЕЙМЪ 1620 года, согласно съ постановленіемъ двухъ предыдущихъ сеймовъ, долженъ былъ начать свою дѣятельность съ разсмотрѣнія отложенныхъ ими разныхъ требованій земскихъ пословъ. Исключительныя военныя обстоятельства заставили его начать дѣло съ вопроса объ оборонѣ отечества и посвятить ему большую часть времени, отложивши опять выше упомянутыя требованія до будущаго сейма (сеймовый рецессъ). Но нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ нашъ сеймъ успѣлъ все-таки облечь въ форму конституцій. Между прочимъ, онъ составилъ конституцію объ устройствѣ возвращенныхъ отъ Москвы провинцій, отданныхъ сеймомъ въ администрацію королевичу Владиславу на определенныхъ условіяхъ ¹⁷⁾.

Сеймъ 1620 года долженъ былъ считаться съ возможностью военно-политическихъ осложненій Польши съ Швеціей и даже съ Москвой. По крайней мѣрѣ, онъ составилъ особую кон-

*) Окончаніе. См. ноябрь.

¹⁷⁾ Vol. leg., III, 186, 179. Королевичъ жаловать земли въ этихъ областяхъ могъ только польскимъ, литовскимъ и инфлянскимъ уроженцамъ и тѣмъ людямъ московскаго происхожденія, которые остались вѣрны ему и Польшѣ. Жаловать земли иностранцамъ было воспрещено, за исключеніемъ тѣхъ, которые служили ему и Польшѣ въ войну съ Москвой. Смоленскимъ обывателямъ предложено послать изъ своей среды двухъ пословъ на будущій сеймъ, который и долженъ былъ заняться окончательнымъ судебнo-административнымъ устройствомъ новоприсоединенныхъ областей.

ституцію о защитѣ Инфлянтъ отъ шведовъ, назначивши на нее шесть налоговъ съ великаго княжества литовскаго, а также всеобщее ополченіе инфлянтской шляхты. Только въ случаѣ полной безопасности въ Инфлянтахъ, вышеупомянутые шесть налоговъ должны были идти на турецкую войну. О возможности военно-политическихъ осложненій съ Москвою въ сеймовыхъ конституціяхъ не упомянуто; но въ налоговомъ сеймовомъ универсалѣ и о нихъ сдѣлано упоминаніе ¹⁸⁾.

Совокупность военныхъ ¹⁹⁾ конституцій сейма 1620 года, изданныхъ въ виду войны съ Турціей, представляетъ собой своего рода компромиссъ тѣхъ трехъ проектовъ, которые, какъ мы видѣли, поступили на его разсмотрѣніе. Онъ не объявилъ немедленнаго созыва всеобщаго шляхетскаго ополченія (посполитое рушенье), но принялъ теперь же нѣкоторыя подготовительныя къ созыву его мѣры (явка всей шляхты каждаго воеводства и повѣта къ извѣстному сроку въ извѣстный пунктъ для провѣрки ея наличности и вооруженія, болѣе точное опредѣленіе нѣкоторыхъ юридическихъ и практическихъ сторонъ посполитаго рушенья) ²⁰⁾. Уже одинъ отказъ сейма отъ немедленнаго созыва посполитаго рушенья показываетъ, что наибольшее значеніе въ дѣлѣ будущей обороны государства отъ турокъ онъ придавалъ обычнымъ регулярнымъ военнымъ силамъ польскаго государства,—увеличенію и улучшенію ихъ наличнаго боеваго состава. Сеймъ рѣшилъ выставить на войну съ турками 36.000 регулярнаго войска, хотя самъ признавалъ нужнымъ для этого 60.000 войска. При такомъ же взглядѣ на основной характеръ обороны все дѣло сводилось къ назначенію сеймомъ возможно большихъ денежныхъ ассигнованій на войну... Сеймъ назначилъ на войну, какъ видно изъ налогового универсала, «восемь налоговъ» и нѣкоторые другіе сборы.

¹⁸⁾ Vol. leg., III, 179, 195.

¹⁹⁾ Кроме основныхъ военныхъ конституцій, о которыхъ рѣчь ниже, сеймъ 1620 года издалъ нѣсколько второстепенныхъ конституцій военнаго характера, имѣвшихъ своею цѣлью улучшеніе военнаго дѣла вообще, усиленіе военной дисциплины (постановлено, между прочимъ, произвести строгое разслѣдованіе относительно тѣхъ, которые позорно бѣжали изъ Цецорскаго лагеря, и предать ихъ суду будущаго сейма), улучшеніе быта военно-служащихъ людей, обезпеченіе ихъ и ихъ семействъ въ случаѣ ихъ смерти или тяжелыхъ пораненій, усиленіе оборонительныхъ средствъ пограничныхъ крѣпостей и пр. (Vol. leg., III, 177—178, 181—182).

²⁰⁾ Vol. leg., III, 176—177.

Но на немедленную уплату «восьми налоговъ» согласились на сеймѣ, какъ видно изъ того же универсала, далеко не всѣ воеводства и земли. Земскіе послы многихъ воеводствъ, не возражая противъ нихъ по существу, «взяли до братьевъ» то или другое количество ихъ, т. е. предоставили окончательное рѣшеніе вопроса относительно нихъ самой шляхтѣ своихъ воеводствъ на будущихъ послѣсеймовыхъ сеймикахъ. Кромѣ того, земскіе послы большей части воеводствъ обставили самое расходованіе уступленныхъ ими налоговъ особыми условіями²¹⁾. Неудивительно, поэтому, что создавшее сеймъ правительство осталось не совсѣмъ довольно его результатами. Наканунѣ закрытія сейма (10 дек.) новый (послѣ Жолкевскаго) коронный канцлеръ, луцкій епископъ. Андрей Липскій (прежній подканцлеръ, въ свое время сквозь такія розовыя очки смотрѣвшій на послѣднее порученное правительствомъ Жолкевскому, какъ гетману, дѣло) сказалъ земскимъ посламъ отъ имени короля: «король желалъ бы, чтобы въ такомъ тяжеломъ положеніи государства было постановлено что-либо болѣе основательное, потому что эти (т. е. опредѣленные сеймомъ) субсидіи очень недостаточны, плохи, невѣрны и ненадежны, такъ какъ одни на нихъ согласны, другіе берутъ ихъ до братьевъ, третьи хотятъ разнымъ образомъ расходовать ихъ» (сеймовый дневникъ)²²⁾. И самъ сеймъ видѣлъ недостаточность принятыхъ имъ мѣръ военной обороны. Но крайней мѣрѣ, онъ уполномочилъ короля созвать, если окажется нужнымъ, новый «короткій» сеймъ (безъ соблюденія обычныхъ формальностей)²³⁾. Этою же недостаточностью принятыхъ сеймомъ мѣръ военной обороны объясняется и принятое правительствомъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ во время сейма, рѣшеніе обратиться съ просьбой о

²¹⁾ Пв., 187—198. Кн. Ю. Збаражскій писалъ 12 іюня 1621 г. королю, что сеймъ назначилъ жалованіе войску (36,000 чел.) на три четверти 1621 года (начиная съ марта) и особыя суммы на приобрѣтеніе военныхъ орудій и припасовъ (*Scriptores Rerum Polonicarum*, V, 31).

²²⁾ Съ пессимистическимъ взглядомъ короля на результаты сейма 1620 года совпало общее сужденіе о нихъ шляхтича Якова Пшовки. *Nostri proceres et ordines* (пишетъ онъ)... *contributionem solum ex miseris subditis contra tam potentissimum hostem laudant...* *Averte Domine malum a nobis! Non sufficient enim vires nostrae* (*Bibl. Ossol.*, I, 66—67).

²³⁾ *Vol. leg.*, III, 187. Сеймъ разрѣшалось созвать двухнедѣльный сеймъ для того одного, чтобы изыскать дальнѣйшія средства на войну (*Scriptores*, V, 31).

помощи къ императору, англійскому королю, голландскимъ штатамъ и другимъ государствамъ, хотя, по другимъ свѣдѣніямъ, оно къ нимъ обращалось еще до сейма²⁴⁾.

Недостаточность сеймовыхъ ассигнованій на войну съ Турціей, можетъ быть, слѣдуетъ приписать и тому, что сеймъ 1620 года большія надежды въ этомъ отношеніи возлагалъ на запорожскихъ казаковъ. Вспомнимъ, что въ военномъ проектѣ кн. Збаржскаго вся сила военнаго отпора туркамъ падала на нихъ. Посольская изба сразу же съ полнымъ сочувствіемъ отпеслась къ этому проекту и энергично его поддерживала (противъ сенатскаго проекта). 19 ноября, какъ видно изъ сеймоваго дневника, припесено было въ посольскую избу изъ сената слѣд. заявленіе: «еще передъ сеймомъ король послать къ нимъ (запорожскимъ казакамъ), чтобы съ ними обо всемъ договориться, но мнѣніе короля теперь такое, чтобы отправить болѣе скорого посланца». Предполагалось отправить къ запорожскимъ казакамъ каменецкаго канцеляна Горскаго, какъ «человѣка, знающаго ихъ», хотя послѣдній отъ этого порученія и отказывался» (сеймовый дневникъ)... Изъ второго изданія «*Verificatii niewinności*» узнаемъ, что Сигизмундъ III еще 10 ноября 1620 года (т. е. въ первые дни сейма) подпisałъ извѣстное письмо свое къ іерусалимскому патріарху Оеофану (находившемуся тогда еще въ Кіевѣ) по поводу участія запорожскихъ казаковъ въ войнѣ съ Турціей. Король писалъ патріарху, что онъ собираетъ теперь противъ враговъ всего христіанства такое войско, которое бы съ Божьей помощью могло дать ему отпоръ, и что онъ теперь же шлетъ и своему запорожскому войску приказъ выступить противъ него какъ можно скорѣе. Король, далѣе, писалъ, что посылаетъ къ патріарху своего посла, шляхтича Варооломея Обалковскаго съ тѣмъ, чтобы послѣдній лично посѣтилъ его и отъ королевскаго имени предложилъ ему и съ своей стороны воздѣйствовать на запорожское войско въ томъ смыслѣ, чтобы оно повиновалось королевской волѣ. Въ заключеніе письма Сигизмундъ просилъ патріарха во всемъ довѣриться Обалковскому

²⁴⁾ *Sbriptores rerum Polonicarum*, XVII, 31—32; V, 31—32. Mosbach, 115. Пясецкій въ своей Хроникѣ пишетъ, что нѣкоторые на сеймѣ 1620 года совѣтовали откупиться отъ турокъ ежегодной платой имъ, но что другіе называли ихъ за это трусами, предлагая обложить ихъ двойными сборами за трусость (изд. 1648 г., стр. 81—82; ср. *Woyciecki, Pamiętniki*, I, 84).

и исполнить его желаніе наилучшимъ образомъ... Краковскій епископъ Мартинъ Шинковскій, въ письмѣ отъ 1 дек. 1620 года, съ своей стороны просилъ патр. Оеофана расположить и построить запорожскихъ казаковъ къ тому, чтобы они соблюли вѣрность свою королю и постояли за святую вѣру и за цѣлость отечества ²⁵). Изъ приведенныхъ нами писемъ, а также изъ сообщеній сеймоваго дневника, совершенно ясно, что не только возлагались надежды сеймомъ 1620 года на запорожскихъ казаковъ, но и предприняты были польскимъ правительствомъ во время его продолженія нѣкоторые шаги къ реализаціи этихъ надеждъ. Въ конституціяхъ сейма 1620 года остался только общій, хотя и рѣшительный, слѣдъ заботъ и работъ этого сейма по казацкому вопросу въ связи съ турецкой войной. Сеймовая конституція подъ заглавіемъ: «Казаки» гласила: «Такъ какъ у Насъ дошло до войны съ невѣрными, и желая имѣть войско казацкое за *stipendiarios Reipublicae* (т. е. на жалованьи отъ государства), постановленіемъ этого сейма назначасмъ имъ (казакамъ) плату, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы они оставались подъ управленіемъ и властью нашего гетмана» ²⁶).

Если сравнить сеймовую конституцію 1620 года съ такою же 1619 года, то не можетъ не броситься въ глаза ея удивительная краткость. Сеймовая конституція 1619 года, хотя и составленная лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ похода Сагайдачнаго къ Москвѣ въ помощь королевичу Владиславу, довольно пространно говорила о необходимости привести запорожскихъ казаковъ къ сознанію долга и порядку, ограничить ихъ количество, удалить изъ ихъ состава лишніе элементы (причемъ самое опредѣленіе количества запорожскихъ казаковъ предоставлено было сеймомъ королю и коронному гетману). Сеймовая конституція 1620 года, хотя и составленная одинъ лишь годъ спустя послѣ Раставицкой комиссіи (въ своихъ четырехъ требованіяхъ, предъявленныхъ къ запорожскимъ казакамъ и хотя съ оговорками, но ими принятыхъ, давшей полное и детальное развитіе предначертаній сейма

²⁵) Ver. niew., 2 изд., 1—3 стр. послѣ 28 стр.

²⁶) Vol. leg., III, 181. Въ день закрытія сейма, земскіе послы повторили запросъ правительству: „Почему не платятъ казакамъ согласно съ назначеніемъ прошлаго сейма? Почему не запретили имъ выходить въ море?“ (Mosbach, 114).

1619 года относительно запорожскаго казачества), совсѣмъ отложили въ сторону обычныя шляхетскія нареканія на казацкое своеволие и обычныя же шляхетскія стремленія къ усмирению казацкаго духа, какъ будто Раставицкой комиссіи совсѣмъ и не существовало. Она ограничилась однимъ только требованіемъ, чтобы запорожскіе казаки оставались подъ управленіемъ королевскаго гетмана (что было, конечно, безусловно необходимо въ предстоявшей войнѣ въ интересахъ единства вошной команды). Но это заключительное требованіе сеймовой конституціи было тѣмъ болѣе нужно въ настоящій моментъ, что гетманомъ запорожскаго войска уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ не удобный болѣе или менѣе польскому правительству Сагайдачный, а взбалмошный Бородавка, возведенный въ гетманское достоинство тѣми по преимуществу казацкими элементами, интересы которыхъ Раставицкая комиссія затронула всего болѣе. Краткость сеймовой конституціи 1620 года о казакахъ, ея сдержанный, уклончивый тонъ обусловлены были тяжелою государственною нуждою. Въ предстоявшей турецкой войнѣ на запорожскихъ казаковъ возлагались шляхетскимъ представительствомъ такія большія надежды! Гдѣ ужъ было тутъ тянуть старую пѣсню объ уменьшеніи числа ихъ, объ удаленіи изъ ихъ состава лишннихъ элементовъ! Съ ставленникомъ этихъ послѣднихъ (не испросившимъ, конечно, королевскаго утвержденія) предстояло польскому правительству вести не легкіе переговоры. Не даромъ оно не остановилось даже передъ тяжелыми для него просьбами передъ «схизматическимъ» патриархомъ ²⁷⁾.

Не одна Раставицкая комиссія съ ея тяжелыми и обидными для запорожскаго казачества требованіями стала поперекъ дороги усиленнымъ стремленіямъ польскихъ государственныхъ чиновъ привлечь это казачество къ совмѣстной борьбѣ съ турками и татарами. Ноябрьскій сеймъ 1620 года былъ первый польскій сеймъ послѣ возстановленія патр. Теофаномъ, подъ воздѣйствіемъ и защитой запорожскаго казачества.

²⁷⁾ Обращеніе Сигизмунда III къ патр. Теофану тѣмъ болѣе знаменательно, что на сеймъ 1620 года, по свидѣтельству шляхетныхъ авторовъ *Listu do zakonnikow Monastera S. Duchy Wileńskiego* (Wilno, 1621, str. 32), великіе и именитые (zadne) въ государствѣ люди (у которыхъ среди казаковъ множество ихъ крѣпостныхъ) публично говорили, что патр. Теофанъ не увѣщевалъ казаковъ къ войнѣ съ турками.

высшей православной западно-русской церковной іерархіи. Съ этимъ фактомъ сеймъ 1620 года необходимо долженъ былъ считаться, если хотѣлъ воспользоваться для турецкой войны казацкими силами. Составитель сеймоваго дневника, природный полякъ изъ внутренней, этнографической Польши, не занесъ на его страницы сколько-нибудь подробнаго описанія борьбы православныхъ за возстановленную іерархію на сеймѣ 1620 года. У него, видимо, не было большого внутренняго интереса къ этому вѣроисповѣдному раздору въ пѣдрахъ отдаленной Руси. Не было у него, какъ и у автора дневника сейма 1597 года, и полнаго пониманія всѣхъ сторонъ и деталей этого дѣла. Но сущность дѣла и для него совершенно ясна. Онъ вполне понимаетъ внутреннюю связь вопроса объ обращеніи казацкихъ силъ на турецкую войну съ вопросомъ объ удовлетвореніи сеймомъ религіозно-церковныхъ требованій казаковъ.

Авторъ сеймоваго дневника, прежде всего, сообщаетъ (подъ 18 ноября) фактъ первостепенной важности. Во внесенномъ литовскими послами въ посольскую пзбу письменномъ представленіи (pismo) находился, между прочимъ, пунктъ: «успокоеніе Русской религіи весьма нужно, — чтобы церкви имъ были возвращены». Заслуживаетъ вниманія тутъ то обстоятельство, что этотъ пунктъ находился въ общемъ письменномъ представленіи земскихъ пословъ великаго княжества литовскаго, бывшемъ, безъ сомнѣнія, результатомъ инструкціи, данной имъ литовскимъ предсеймовымъ главнымъ съѣздомъ, собиравшимся для объединенія дѣйствій предсеймовыхъ сеймиковъ великаго княжества литовскаго. Можно предположить, что пунктъ объ успокоеніи православныхъ обсуждался на разныхъ предсеймовыхъ сеймикахъ великаго княжества литовскаго и попалъ въ общую инструкцію главнаго съѣзда изъ сеймовыхъ инструкцій этихъ послѣднихъ. Земскіе послы одного изъ воеводствъ великаго княжества литовскаго, именно брестскаго, на сеймѣ 1620 года (24 ноября) особо просили о томъ, «чтобы король обезпечилъ (assecurawal) Греческую религію». Если авторъ сеймоваго дневника, излагая содержаніе желательнаго литовскимъ посламъ «успокоенія Русской религіи», вполне исчерпалъ его, то желаніе это, оказывается, состояло въ томъ, чтобы «православнымъ были возвращены церкви». По всей вѣроятности, литовскіе земскіе послы въ данномъ случаѣ имѣли въ виду ближайшимъ образомъ церкви, отнятыя у православныхъ

уніатскимъ полоцкимъ архіепископомъ Іосафатомъ Кундевичемъ въ Могилевѣ и Оршѣ (въ 1618 и 1619 гг.). Отсутствіе въ письменномъ представленіи литовскихъ земскихъ пословъ особаго пункта о нововозстановленной православной іерархіи можетъ быть объяснено (не говоря уже о многомъ другомъ) тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что предсеймовые сеймики происходили еще до кievскихъ православныхъ хиротоній (сеймики бывали за шесть недѣль до сейма).

Изъ всѣхъ южнорусскихъ земскихъ пословъ авторъ сеймоваго дневника особенно отмѣтитъ, прежде всего, пословъ кievскаго воеводства, какъ борювъ за права православной вѣры и церкви. Они, по его разсказу, 18 ноября «просили объ охраненіи Греческой религіи». 24 ноября они же въ посольской избѣ свое согласіе на участіе въ оборонѣ наравнѣ со всѣми обусловливали тѣмъ, «чтобы религія Греческая была успокоена (за рокоюмъ assecurowana), потому что казаки и много знатныхъ людей взяли ее подъ свою защиту и присягнули другъ другу въ томъ, чтобы не отступать отъ этого (поэтому легко можетъ дойти дѣло до смуть и возстаній, если они не получаютъ въ этомъ обезпеченія»). Кievское воеводство территориально всего тѣснѣе связано было съ Запорожьемъ, и религіозное, соціальное и политическое настроеніе запорожскаго казачества всего лучше было извѣстно кievской шляхтѣ. Въ заявленіи кievскихъ земскихъ пословъ особенную важность представляетъ тотъ (неизвѣстный изъ другихъ источниковъ) фактъ, что передъ сеймомъ 1620 года между запорожскими казаками и «знатными людьми» (шляхетскаго, конечно, сословія, потому что едва ли эпитета знатныхъ земскіе послы удостоили бы нешляхтичей) уже состоялось какое-то соглашеніе относительно успокоенія православной церкви, и что это соглашеніе сопровождалось даже ихъ взаимной другъ другу присягой не оставлять другъ друга въ этомъ дѣлѣ. Что это было за соглашеніе, чего именно оно касалось,—авторъ дневника не поясняетъ тутъ. Но вся совокупность историческихъ обстоятельствъ православной церкви, сложившихся въ данный моментъ на территоріи кievскаго воеводства, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что соглашеніе касалось нововозстановленной православной іерархіи. Съ другой стороны, въ заявленіи кievскихъ земскихъ пословъ обращаютъ на себя вниманіе тѣ серьезныя политическія опасенія, которыя они высказываютъ на счетъ возможныхъ печальныхъ послѣдствій этого соглашенія (въ случаѣ отрицательнаго отношенія къ нему сейма).

Уже въ самомъ концѣ сейма выступили на защиту правъ и интересовъ православной церкви волынскіе земскіе послы (часто стоявшіе и въ прежніе годы во главѣ православныхъ въ ихъ сеймовой борьбѣ съ унией). Это было за два дня до окончанія сейма (9 декабря), когда происходило въ сенатѣ, въ присутствіи короля, чтеніе сеймовымъ маршалкомъ уже принятыхъ посольской избой конституцій. «Когда дѣло дошло до конституціи относительно успокоенія религіи Греческой (разсказываетъ сеймовый дневникъ), ихъ милости паны послы русскіе волынскіе вносили къ Его Королевской милости горячую просьбу (*instancia*) о томъ, чтобы религія греческая оставалась при правахъ, въ соблюденіи которыхъ присягнули священной памяти предшественники его королевской милости, и чтобы не творились такіа беззаконія, какъ теперь: церкви, имъ (православнымъ) наданныя, запечатаны, владыку имъ дано такого, который имъ не угоденъ (*Władukę włożono ktorym się nie contentuia*). И ныня обиды указывали. Не очень по вкусу пришлась эта ихъ просьба панамъ католикамъ, особенно духовнымъ (замѣчаетъ авторъ дневника), и разными разговорами (*diskursi*) они ихъ прерывали (*rozgrywały*), а иные даже смѣхомъ ихъ сбивали. Затѣмъ продолжали чтеніе конституцій» (говоритъ авторъ сеймоваго дневника, оставляя читателя въ неизвѣстности, чѣмъ все это окончилось).

Во главѣ волынскихъ земскихъ пословъ на сеймѣ 1620 года стоялъ испытанный сеймовый борецъ за православную вѣру, волынскій чашникъ Лаврентій Древинскій. Извѣстна его одушевленная рѣчь ²⁸⁾ на этомъ сеймѣ въ защиту православной вѣры. «Въ такомъ нашемъ противу главнаго врага креста святаго предпріятіи, смѣло могу сказать (говорилъ онъ), что Ваше Королев. Величество едва ли не большую часть ратниковъ потребуете отъ народа греко-россійскаго исповѣда-

²⁸⁾ Она печатана Бантвышь-Каменскимъ въ его „Историческомъ извѣстіи о возникшей въ Польшѣ униѣ“ (М., 1805), стр. 68—73. Текстъ ея вполне соответствуетъ тому краткому изложенію содержанія рѣчей волынскихъ пословъ на сеймѣ 1620 года, которое мы выше привели полностью изъ сеймоваго дневника. Вѣроятно, Древинскій произнесъ ее на пол. языкѣ, и уже Бантвышь-Каменскій перевелъ ее на русскій языкъ. Или польская рукопись рѣчи была неисправна, или она была не совсемъ вѣрно прочитана, или при печатаніи ея русскаго перевода допущена досадная опечатка,—только въ ней оказываются явныя ошибки и неясности.

нія, того народа, который если не удовлетворенъ еще пребы-
 деть въ своихъ нуждахъ и прошеніяхъ, то какъ можетъ въ
 защиту Вашей державы преградою грудь свою представить?
 Какъ можетъ усиліе свое къ доставленію вѣчнаго мира упо-
 употребить, — внутренняго въ домѣ своемъ покоя не имѣя? Съ
 какою искренностью, мужествомъ, ревностію горящія стѣны
 отечества угашать кровію своею начнутъ, внутренняго пламени
 пылающихъ домашнихъ стѣнъ угашаемыхъ не видя? Кто-жъ,
 о Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія при-
 тѣшенія и несносныя огорченія сей древній російскій народъ
 въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ? Начну отъ
 Короны²⁹⁾ (т. е. съ королевства польскаго). Какое распростра-
 неніе славы Божіей съ помощью сея повонзобрѣтенныя уни
 является? Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣ-
 нія церковныя расхищены, въ монастыряхъ вмѣсто монаховъ
 скотъ запираютъ. Перейдемъ въ Княжество Литовское. Тамъ
 въ пограничныхъ Московскому государству городахъ то же самое
 дѣлается. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны,
 священники разогнаны. Въ Пинскѣ то же учинено: монастырь
 Лещинскій³⁰⁾ въ итейный домъ превращенъ. Вслѣдствіе сего
 дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ
 безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ стерво, вывозятся,
 народъ безъ благословенія браковъ въ ненотребствѣ живетъ,
 безъ исповѣди, безъ приобщенія святыхъ таинъ умираетъ. Не-
 ужели сіе не самому Богу обида? Неужели за то отмщеніе
 не будетъ Богъ?» Вслѣдъ затѣмъ Древинскій указываетъ въ
 своей рѣчи на то, что даже во Львовѣ, не говоря уже о дру-
 гихъ городахъ, православные мѣщане лишены права зани-
 маться продажей итей и торговлей, входятъ въ составъ це-
 ховъ; къ нимъ, большымъ, не позволено ходить со святыми
 тайнами, а въ случаѣ ихъ смерти хоронить ихъ съ церков-
 ными обрядами. Онъ указывалъ еще на то, что и въ Вильнѣ
 православные могутъ провозить своихъ покойниковъ лишь че-
 резъ тѣ ворота, которыми вывозятъ нечистоты изъ города, что
 бѣдные православные въ Вильнѣ испытываютъ стѣненіе даже
 въ пользованіи водой, что православныхъ монаховъ въ ней
 ловятъ, бьютъ, сажаютъ въ заключеніе. Наконецъ, онъ жало-

²⁹⁾ Напечатано: „отъ Кракова“. Въ Краковѣ не было ни православія, ни уни.

³⁰⁾ Напечатано: „Лещинскаго“.

вался на то, что правительство не назначаетъ православныхъ шляхтичей на государственныя должности, хотя они по образованію и другимъ качествамъ этого заслуживаютъ, а вмѣсто нихъ назначаетъ на всѣ должности въ русскихъ областяхъ лицъ неправославнаго вѣроисповѣданія.

Всѣ эти бѣдствія православной церкви Древинскій очень страннымъ образомъ сначала объяснилъ тѣмъ, что король назначаетъ на высшія русскія церковно-іерархическія должности, не зная «породы» назначаемыхъ лицъ. Онъ тутъ перечислилъ, какъ пешляхтичей (съ указаніемъ біографическихъ подробностей) тогдашнихъ уніатскихъ владыкъ—полоцкаго, перемышльскаго, владимірскаго, холмскаго и луцкаго. Но затѣмъ тотчасъ же онъ привелъ уже другое объясненіе бѣдствій православной церкви: «все же сіе неустройство происходитъ оттого, что не отъ правильнаго пастыря (т. е. не отъ константинопольскаго патріарха) посвященіе пріемлютъ». Въ подтвержденіе исконной власти константинопольскаго патріарха надъ западно-русскою церковью онъ сослался на лѣтописи, на привилегіи (жалованныя грамоты) прежнихъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, на привилегію самого Сигизмунда III константинопольскому патріарху (Гереміи), данную въ 1589 году ³¹⁾, на другую его привилегію, данную въ 1607 году, и на сеймовыя конституціи 1607 года и другихъ годовъ.

Въ заключеніе рѣчи своей Древинскій, отъ имени всѣхъ православныхъ, просилъ короля сжалиться надъ обидой не ихъ, а самого Бога, и дать имъ то, о чемъ они въ теченіе уже двадцати лѣтъ съ горькими слезами умоляютъ на каждомъ сеймикѣ, сеймѣ и главномъ съѣздѣ: сохранить ихъ при ихъ правахъ и вольностяхъ; освободить ихъ отъ претерпѣваемыхъ ими несправедливостей; церковныя имущества, хотя не вдругъ, а постепенно, по смерти пынѣшнихъ (державшихся уніи) митрополита и владыкъ, возвратить законнымъ ихъ обладателямъ ³²⁾. Въ противномъ случаѣ, если на настоящемъ сеймѣ не послѣ-

³¹⁾ Напечатано: „1599“.

³²⁾ Это самое важное для насъ мѣсто рѣчи буквально читается такъ: „дабы, въ послѣдней мѣрѣ, нынѣшній Митрополитъ и Владыки въ послушаніе прямаго своего въ вѣрѣ Пастыря Константинопольскаго Патріарха (могъ ли Древинскій говорить объ этомъ въ отношеніи къ митр. Русскому?), а имѣнія церковныя, хотя не вдругъ засимъ, но непремѣнно по умертвіи нынѣшнихъ владѣльцовъ къ законнымъ помѣщикамъ своимъ превращены были“.

дуетъ совершеннаго успокоенія и уврачеванія ранъ православноѣ церкви, православные вынуждены будутъ возопить съ пророкомъ: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою».

Какъ и въ приведенномъ выше письменномъ представленіи земскихъ пословъ великаго княжества литовскаго, въ рѣчи Лаврентія Древинскаго не было сказано прямо о новопосвященныхъ православныхъ митрополитѣ и епископахъ. Особаго, спеціальнаго объ этомъ порученіи и ему пославшею его шляхтою еще не могло быть дано на предсеймовомъ сеймикѣ. Съ другой стороны, представителямъ православнаго дворянства болѣе, чѣмъ другимъ классамъ правосл. западнорусскаго населенія, свойственна была вообще сдержанность въ отношеніи къ установившимся прерогативамъ королевской власти.

Въ борьбѣ православія съ унией на сеймѣ 1620 года дѣятельное участіе приняло еще виленское православное братство. Это братство вообще не чуждалось политической борьбы, или—точнѣе—защиты правъ православноѣ церкви политическимъ путемъ,—путемъ воздѣйствія въ интересахъ православноѣ церкви на сеймики, съѣзды и сеймы. При извѣстномъ политическомъ строѣ польской шляхетской рѣчи—посполитой такой способъ защиты интересовъ православноѣ вѣры и церкви былъ для православныхъ вообще дѣломъ простой необходимости, и начало сеймовой борьбы православія съ унией совпадаетъ хронологически съ началомъ церковной униі въ Польшѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ виду такого новаго первостепенной важности факта, какимъ явилось для православныхъ всей Западной Руси возстановленіе высшей православноѣ церковной іерархіи, виленское Свято-Духовское братство проявило усиленную дѣятельность. Не забудемъ, что во главѣ братскаго Св.-Духова монастыря съ осени 1620 года (по смерти архим. Леонтія Карповича) сталъ, какъ его архимандритъ, Мелетій Смотрицкій, новохиротонисованный Полоцкій православный архіепископъ, давній, талантливый литературный борецъ за православіе... Уніатскіе литературные противники виленскаго православнаго братства (сами не только не чуждавшіеся политической борьбы, но и весь усильхъ униі основавшіе на своемъ союзѣ съ королемъ и съ тѣми политическими силами, которыя одинаково съ нимъ смотрѣли на церковную унию) совершенно справедливо поэтому подчеркнули указанную нами выше сторону дѣятельности этого братства. «Вы говорите (писали виленскіе уніатскіе троицкіе монахи

виленскимъ православнымъ свято-духовскимъ монахамъ въ своемъ сочиненіи *Sowita wiņa*, изданномъ въ Вильнѣ въ 1621 г. въ опроверженіе *Verificatii niewiņnosci* послѣднихъ), что сеймики и сеймы происходятъ среди шума,—перестаньте только разсылать посланія (*listy*), посланцевъ и деньги—будетъ тихо»³³). «Придутъ сеймики (писали тѣ же тѣмъ же въ соч. *Examen Obrony* (стр. 50—51), изданномъ въ Вильнѣ въ томъ же 1621 году въ опроверженіе православной *Obrony Verificatii*), и вотъ они рассылаютъ язвительныя посланія противъ насъ (хотя мы имѣли бы больше оснований жаловаться на нихъ) во всѣ повѣты (уѣзды) великаго княжества литовскаго и во многіе коронныя, гдѣ—они знаютъ сами, что ничего не достигнутъ, но замѣшательство все-таки произведутъ и инья нужныя государству совѣщанія затруднятъ. А на сеймъ они уже торжественно отправляютъ пословъ съ полными карманами того вещества, которое и хорошихъ обыкновенно портить. Приѣхавши затѣмъ туда, самыми нечестными средствами идутъ противъ насъ, частью-патривая на насъ украинскихъ пословъ, частью подкупая тѣхъ, кого слѣдуетъ, частью дѣйствуя, то распространеніемъ на бумагѣ вымышленныхъ обидъ своихъ, то постояннымъ низкопоклонствомъ въ посольской избѣ (хотя за это и бранятъ ихъ маршалки, подчасъ и палочкой имъ даютъ), то въ послѣдній день сейма подбрасываніемъ конституціи объ успокоеніи религіи Греческой (каковую конституцію, *conceptis verbis* согласно съ своимъ високоуміемъ написавши, всегда имѣютъ съ собой)». Уніатскіе литературные противники виленскаго православнаго братства (не остановившіеся передъ грязными инсинуаціями по адресу православныхъ братчиковъ и якобы подкупныхъ земскихъ пословъ) сильно преувеличили сеймовую роль его: исторія не знаетъ сеймовой конституціи въ пользу православія, купленной за чье бы то ни было золото, сеймовыя же конституціи 1607, 1609 и 1618 годовъ явились результатомъ цѣлаго ряда очень сложныхъ историческихъ причинъ... Но основной выдвинутый ими фактъ (участіе братства въ сеймовой борьбѣ) не подлежитъ сомнѣнію. Его нисколько не отрицало и само виленское православное братство. «Вы находите нашу вину въ томъ (отвѣчали виленскіе православныя братскіе монахи своимъ обвинителямъ въ изданномъ въ Вильнѣ въ 1622 году сочиненіи

³³) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 500.

Elenchus pism uszczypliwych, стр. 50), что мы, жестоко вами угнетенные и обиженные, обращаемся за святою справедливостью къ трибуналамъ, сеймикамъ и сеймамъ... Но что же дѣлать намъ, которые въ невинности своемъ не имѣемъ послѣ Господа Бога иного прибѣжища, кромѣ трибуналовъ, сеймиковъ и сеймовъ. На нихъ непрестанно молимъ о справедливости, просимъ о мирѣ и о спасеніи насъ отъ васъ, губителей нашихъ. И мы вынуждены это дѣлать до тѣхъ поръ, пока васъ, гонителей нашихъ, которые насиліемъ сѣли намъ на шею, не сброситъ съ нея праведный судъ Божій и рѣшеніе Короля Его Милости, нашего милостиваго Государя».

Мы не знаемъ въ подробностяхъ, какъ и въ чемъ именно проявилась въ отношеніи къ сейму 1620 года дѣятельность виленскаго православнаго братства. Мы знаемъ только, что на этомъ сеймѣ представлено было въ посольскую избу и, по приказу маршалка ея, публично, вслухъ прочитано посланіе этого братства (*list od nas pisany*). Посланіе составлено было, конечно, отъ имени всѣхъ православныхъ. Въ немъ они «презентовали», т. е. представляли къ оффиціальному правительственному утвержденію, новопоставленныхъ православныхъ митрополита и владыкъ, и просили о передачѣ имъ бенефицій (имуществъ всякаго рода), соединенныхъ съ церковными ихъ достоинствами ³⁴). «Благодаря этому посланію, поданному въ посольскую избу и публично, вслухъ въ ней читанному, духовная инвеститура (т. е. церковное посвященіе митрополита и епископовъ) успѣла на сеймѣ огласиться». Объяснивши такимъ образомъ значеніе подачи въ посольскую избу посланія, виленскіе православные св.-духовскіе монахи къ этому прибавляютъ, что податели посланія тотчасъ же по прочтеніи его просили, чтобы земскіе послы по обязанности своей обдумывать мѣры ко благу государства довели объ этомъ до свѣдѣнія короля и просили его утвердить эту духовную инвеституру предоставленіемъ инвеституры свѣтской (которая находится во власти короля). При оглашеніи, сперва въ посольской избѣ, а потомъ черезъ земскихъ пословъ передъ королемъ, самого факта совершившейся церковной хиротоніи были оглашены и «титуды» новопосвященныхъ лицъ, т. е. сообщено, на какую православную каедру кто изъ нихъ посвященъ. Посольская изба въ полномъ своемъ составѣ отнес-

³⁴) Пб. 307, Verificatia.

лась при этомъ къ личности патр. Теофана сдержанно, корректно. «Когда изъ читаннаго въ посольской избѣ нашего послація оказалось, что Преосвященный Отецъ Патріархъ Іерусалимскій для Руси стародавней греческой религіи, согласно съ неизмѣннымъ обычаемъ русской церкви, по чину св. восточной церкви посвятилъ митрополита и епископовъ, состоящихъ подъ властью константинопольскаго патріарха: ни одного изъ земскихъ пословъ не нашлось такого, который бы противъ этого святого мужа сказалъ хоть одно такое слово»... (какимъ потомъ обзывали его правительство и уніатскіе полемисты) ³⁵).

Существенная важность вмѣшательства виленскаго православнаго братства въ сеймовую борьбу изъ-за православной церкви на сеймѣ 1620 года совершенно очевидна. Оно рѣшилось на то, чего не могли, или не хотѣли еще сдѣлать сами православные земскіе послы. Оно первое открыто заявило о совершившемся уже фактѣ возстановленія православной западнорусской церковной іерархіи.

Главные борцы за унію противъ православія, митр. Рутскій и полоцкій архіепископъ Купцевичъ лично явились въ Варшаву къ концу сейма 1620 года ³⁶). Во время чтенія въ сенатѣ предложенныхъ посольской избой сеймовыхъ конституцій, когда волынскій земскій посолъ Лаврентій Древинскій произнесъ горячую рѣчь въ защиту православной церкви, и митр. Рутскій выступилъ со своей стороны съ рѣчью въ защиту уніи. Онъ (по его собственнымъ словамъ) указалъ причину разнужданности дисунитовъ и [то, что ни онъ, ни его сурфраганы не вызывали безпокойства въ краѣ; что, напротивъ, въ немъ процвѣтало совершенное спокойствіе вплоть до той минуты, когда явился Теофанъ и шепровергнулъ существующую іерархію, поставивши на ея мѣсто иную. Перечислялъ, далѣе, выгоды, пронстекающія для края отъ уніи, именно, что извѣчные раздоры, отдѣляющіе русскихъ отъ поляковъ, тамъ, гдѣ унія пустила болѣе глубокіе корни и охва-

³⁵) Verificatia, 2-ое изд., стр. 40—40 об., 56 об. (экземпляръ бібліотеки С.-Петербургской духовной семинаріи).

³⁶) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 496. Sowita wiwa. Интересно тутъ сообщеніе уніатскаго автора о томъ, что уніатскіе старшіе нарочно бывають на каждомъ почти сеймѣ, особенно при концѣ его, во время чтенія сеймовыхъ конституцій, чтобы не допустить чего-либо вреднаго для уніи (ib., 469).

тила болѣе широкіе круги, оказались ея вліяніемъ укропченными. Показаль, какіе успѣхи сдѣлала унія со времени брестскаго собора, несмотря на то, что никакой почти помощи не получала отъ правительства и съ самаго начала однѣ трудности должна была преодолевать. Всѣ болѣе выдающіеся русскіе стали уніатами; нѣтъ города, гдѣ бы не было уніатовъ; нѣкоторые цѣликомъ уніатскіе; даже нѣблыя провинціи уже уніатскія; всѣ епископы, за исключеніемъ львовскаго, пребываютъ въ единеніи съ апостольскимъ престоломъ; базилианскій орденъ усиливается и количествомъ, и святостью пребывающихъ въ единеніи съ церковью членовъ, при посредствѣ которыхъ и расширяется унія. Обвиняють насъ, что мы ищемъ крови. Но кого же мы умертвили? А между тѣмъ не одинъ изъ монаховъ нашихъ умертвленъ уже схизматиками. Далѣ, затѣмъ, очеркъ тѣхъ преслѣдованій, которыя уніаты съ самаго начала доселѣ терпѣли со стороны схизмы. Напомнилъ, что семьдесятъ разбойниковъ, назначенныхъ на то Теофаномъ, готовы покуситься на жизнь его и его суффрагановъ, по «призываю Бога въ свидѣтели (закопчили оупъ) скорѣе у насъ отнимуть жизнь, чѣмъ каѳедры... Въ католической странѣ, подъ скипетромъ католическаго короля, угрожаютъ нашей жизни и за что? за то, что мы католики» ³⁷⁾.

Митрополитъ Рутскій въ своихъ донесеніяхъ въ Римъ горько жаловался на то, что не оказалось на сеймѣ ни одного земскаго посла-католика, который бы взялъ на себя защиту унии, что даже католическіе епископы-сенаторы обнаруживали равнодушіе къ ней (за что получили отъ короля выговоръ), что въ Варшавѣ обзывали уніатскихъ іерарховъ смутьянами, а унію злосчастной ³⁸⁾. Нельзя не замѣтить въ словахъ уніатскаго митрополита нѣкотораго преувеличенія, весьма, впрочемъ, естественнаго въ человѣкѣ, пережившемъ не мало тревоженій: мы выше отмѣтили сообщеніе сеймового дневника о томъ, что рѣчь вѣльнскихъ земскихъ пословъ въ защиту православной церкви вызвала 9 декабря въ посольской избѣ воз-

³⁷⁾ Likowski, Unia Brzeska (Poznań, 1896), str. 303 (на основаніи донесенія Рутскаго, находящагося въ римскомъ архивѣ пропаганды). Еп. Ликовскій произнесеніе этой рѣчи Рутскаго, какъ и рѣчи Древинскаго, относитъ ко времени сейма, бывшаго въ началѣ 1621 года. Но такого сейма совсѣмъ не было, и обѣ рѣчи произнесены были на осеннемъ сеймѣ 1620 года.

³⁸⁾ Likowski, 240, 304.

раженія и насмѣшки... Но общее впечатлѣніе, вынесенное митр. Рутскимъ съ сейма 1620 года, было, конечно, вѣрно. Тяжелыя военно-политическія обстоятельства польскаго государства заставили многихъ на этомъ сеймѣ глубже взглянуть на давно всѣмъ на сеймахъ прискучившую борьбу православія съ унией,—взглянуть на нее не съ церковно-католической, а съ государственно-политической точки зрѣнія. А при такомъ взглядѣ на дѣло неудивительно, что у многихъ польскихъ политическихъ дѣятелей отпала охота къ энергичной оборонѣ уни. У земскихъ пословъ, въ подавляющемъ количествѣ рим.-католиковъ, оказалось даже, какъ мы видѣли выше, достаточно политической корректности для того, чтобы не сказать чего-либо оскорбительнаго по адресу главнаго виновника обострившейся борьбы. Но до дѣйствительнаго сочувствія посольской избы требованію православныхъ земскихъ пословъ было еще слишкомъ далеко... Единственными активными поборниками интересовъ уни во время сейма 1620 г. были, по свидѣтельству Рутскаго, панскіи нунцій (Діоталлеви) и король ³⁹⁾.

Вслѣдствіе оказаннаго королемъ и униатами противодѣйствія, результатомъ всѣхъ сеймовыхъ усилій православныхъ земскихъ пословъ явилась только слѣдующая краткая и неопредѣленная конституція: «Успокаивая религію Греческую, возобновляемъ конституцію 1607 года и на будущее время имѣемъ сообразоваться съ нею въ раздачѣ церковныхъ бенефицій». Сеймовою же конституціею 1607 года король обязывалъ

³⁹⁾ Цб. По словамъ Ликовскаго, король сказалъ на сеймѣ 1620 г. земскимъ посламъ, что „они прибыли на сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ государства, а не церкви, но что впрочемъ изданная противъ посвященныхъ Теофаномъ епископовъ банниція приостанавливается до будущаго сейма“ (ib., 245). Сигизмундъ на всѣхъ сеймахъ говорилъ земскимъ посламъ, что они должны заиматься не церковными, а государственными дѣлами... Но о приостановленіи банниціи на сеймѣ 1620 года онъ не могъ говорить, такъ какъ банниція Борецкаго и Смотрицкаго объявлена, какъ увидимъ ниже, лишь весной 1621 года. Лезуитъ Альбертъ Кояловичъ въ своей *Miscelanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Ducatu Lithaniae pertinentium* (Vilnae, 1640). p. 55—56, говоритъ, что Сигизмундъ сказалъ, что онъ скорѣе лишится короны, чѣмъ дозволить схизматическому іерарху быть въ Кіевѣ. Эти слова точно выражаютъ взглядъ Сигизмунда III на новопосвященную православную іерархію. Но Альбертъ Кояловичъ не приурочиваетъ произнесенія ихъ королемъ къ тому или иному сейму.

вался «должностей и духовныхъ имѣній не раздавать инымъ правомъ, а только согласно ихъ установленію и древнему обычаю нашихъ предковъ, т. е. шляхетскимъ людямъ Русскаго народа и чисто Греческой религіи, не дѣлая имъ ущерба въ совѣсти и правѣ ихъ и не возбраняя и не препятствуя свободному совершенію богослуженія по древнимъ ихъ обрядамъ»⁴⁰). Такимъ образомъ возобновленіемъ сеймовой конституціи 1607 года давалась православнымъ надежда на полученіе въ будущемъ своей, правительствомъ признанной, церковной іерархіи. Сеймовая конституція 1607 года была высшей побѣдной точкой, которой въ свое время успѣли достигнуть православные въ сеймовой борьбѣ съ унией, благодаря цѣлому ряду благопріятно сложившихся для нихъ обстоятельствъ внутренней и внѣшней польской соціально-политической жизни (эпоха рокоша). Добившись теперь ея возобновленія, они какъ бы опять поднимались до этой точки... Православные не получили въ свое время особаго отъ короля разрѣшенія на посвященіе патр. Ософаномъ для нихъ митрополита и владыкъ, но они считали такимъ для себя разрѣшеніемъ и вмѣстѣ оправданіемъ своихъ дѣйствій общую сеймовую конституцію 1607 года о греческой религіи. Для нихъ, съ этой точки зрѣнія, официальное сеймовое заявленіе о возобновленіи этой конституціи не лишено было серьезнаго значенія. Съ этихъ поръ, и въ официальныхъ актахъ, и въ полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ неизмѣнно фигурируетъ сеймовая конституція 1607 года, «возстановленная, возобновленная и утвержденная сеймомъ 1620 года», какъ доказательство того, что православные, возстановляя свою высшую іерархію въ 1620 и 1621 гг., стояли на почвѣ закона⁴¹). Особо повторенное въ сеймовой конституціи 1620 года обѣщаніе короля относительно раздачи впредь «церковныхъ бенефицій» (т. е. церковныхъ имуществъ, связанныхъ съ тѣми или иными іерархическими степенями въ русской церкви) давало православнымъ еще поводъ надѣяться на предоставленіе этихъ бенефи-

⁴⁰) Vol. leg., III, 184; II, 438.

⁴¹) Протестація митр. Іова Борецкаго, отъ 28 апр. и 15 мая 1621 года (арх. греко-уніан. митр., № 458); Verificatia niewinnosei. (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 288, 308, 343, ср. 2 изд., стр. 5 об., 23. 67 об.): Obrona Verificacieyi ib., 383, 399—405 (подробное доказательство того, что конституція издана въ пользу православныхъ).

цій тѣмъ лицамъ, изъ-за которыхъ на этомъ сеймѣ и поднято было ими все дѣло.

Но сеймовая конституція 1620 года страдала существенными недостатками, лишившими ее жизненнаго значенія. Основной ее недостатокъ заключался въ томъ, что она ничего не давала православнымъ тотчасъ, немедленно. Передача «церковныхъ бенефицій» (т. е. правительственное признаніе новопоставленной іерархіи) лишь обѣщана въ будущемъ (въ какомъ будущемъ, на это и намекъ не сдѣлано). Православнымъ на сеймѣ 1620 года пришлось удовольствоваться однимъ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ короля, какъ и на сеймѣ 1607 г. Но положеніе ихъ теперь было во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ тогда. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени изданія конституціи 1607 года, король ни одного разу при замѣщеніи епископскихъ кафедръ въ западно-русской церкви не руководствовался ею. Подъ «людьми чисто-греческой религіи» онъ упорно разумѣлъ уніатовъ и освобождавшіяся епископскія кафедры неизмѣнно отдавалъ уніатамъ (какъ будто уніаты боролись съ нимъ на сеймахъ и сѣздахъ во время рокоша за свободу совѣсти и добились для себя этой конституціи). Такимъ образомъ сеймъ 1620 года возстановилъ *de jure* дѣйствіе того закона, который практика жизни сразу же по изданіи его показала мертворожденнымъ. Историческій опытъ всѣхъ протекшихъ съ 1607 года лѣтъ былъ противъ православныхъ. И послѣдніе вполне это понимали: хотя на возобновленную конституцію (за неимѣніемъ чего-либо лучшаго) они и ссылаются постоянно, но радостнаго чувства побѣды въ ихъ полемическихъ сочиненіяхъ не слышится нисколько при воспоминаніи о сеймѣ 1620 года. Напротивъ, уніатскіе полемисты, съ нескрываемымъ злорадствомъ повторяли по поводу этой возобновленной конституціи всѣ тѣ извращения ея смысла, какія давно уже заинтересованной стороной цуцены были въ ходъ ⁴²).

Общія политическія условія жизни на сеймѣ 1620 года далеко не въ такой мѣрѣ благопріятствовали православнымъ въ ихъ борьбѣ за возобновленную патр. Оеофаномъ іерархію, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Общее впечатлѣніе, которое выносится изъ прочтенія сеймоваго дневника и самыхъ конституцій сейма 1620 года, вовсе не въ

⁴²) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 464—465, 468—469, Sowita wina.

пользу такого представленія дѣла, что Цецорская катастрофа произвела ошеломляющее впечатлѣніе на участниковъ сейма, и что вопросъ объ оборонѣ государства въ этотъ критическій моментъ всецѣло овладѣлъ ихъ мыслями и чувствами. Посольская изба не мало времени удѣлила обычнымъ прозаическимъ злобамъ польскаго шляхетскаго дѣя (до пресловутой «раздачи вакансій» включительно). Не нужно упускать изъ виду того обстоятельства, что Цецорская катастрофа, столь трагическая по своимъ ужаснымъ послѣдствіямъ для непосредственныхъ жертвъ ея, не означала собой гибели польскихъ военныхъ силъ вообще (подъ знаменемъ несчастно погибшаго короннаго гетмана Жолкевскаго не было и десяти тысячъ войска). Опасность была собственно въ возможности будущаго вторженія турокъ и татаръ въ польскія владѣнія; но на сеймѣ 1620 г., повидимому, никто не ожидалъ вторженія ихъ всей массой раньше будущей весны, къ каковому времени надѣялись вполнѣ приготовиться къ должному отпору... Для Сигизмунда III и для тѣхъ, кто въ Польшѣ, подобно ему, близко къ сердцу принималъ общіе интересы рим.-католической церкви, самая горечь Цецорскаго пораженія умѣрялась въ сильной степени полученной во время сейма радостной вѣстью о Бѣлогорской побѣдѣ католическаго императора надъ чешскими и иными «еретиками». У нихъ не могло не явиться сладостнаго сознанія, что частичнымъ пораженіемъ польскихъ военныхъ силъ облегчено было достиженіе великой, на ихъ взглядъ, для всего католическаго міра цѣли. При такомъ общемъ взглядѣ на дѣло, пришибленному, угнетенному настроенію политическаго духа совѣтъ не было мѣста. Бѣлогорская побѣда, напротивъ, должна была въ Польшѣ, какъ и всюду съ правобѣрной католической Европѣ, поднять духъ среди ревнителей католической вѣры, окрылить ихъ своеобразными свѣтлыми надеждами. Тѣ полтора мѣсяца, которые наполнилъ собою въ Польшѣ интересовавшій насъ сеймъ, прошли среди доносившихся въ Варшаву съ Запада радостныхъ отголосковъ Бѣлогорской побѣды и по тому уже одному едва ли могли стать временемъ серьезныхъ уступокъ въ пользу русскихъ «схизматиковъ» со стороны польскаго шляхетскаго сейма, состоявшаго въ громадномъ большинствѣ своихъ членовъ изъ людей латинской вѣры. Римско-католическая реакція въ Польшѣ не даромъ пережила уже цѣлое полустолѣтіе.

Нельзя упускать изъ виду и того, что центробѣжныя силы

въ самомъ польскомъ сеймѣ послѣ эпохи рокоша и московскихъ войнъ становились все сильнѣе и сильшѣе. Конгрессивный характеръ польскаго сейма давалъ себя чувствовать, все губительнѣе для дѣла обще-государственнаго единства. На сеймѣ 1620 года южно-русскимъ земскимъ посламъ приходилось уже серьезно считаться съ сепаратистскими стремленіями польскаго сѣвера и запада, серьезно возражать тѣмъ, кто думалъ на сеймѣ, что для чистой Польши еще не наступила настоящая бѣда, что военная тревога переживаемаго момента есть собственно областной интересъ южныхъ, русскихъ провинцій. Вообще православнымъ борцамъ за восстановленную іерархію на сеймѣ 1620 года приходилось преодолевать препятствія, созданныя общимъ ходомъ исторической, религіозно-церковной и государственно-политической, жизни Польши. Чтобы ихъ устранить, нужно было и большое напряженіе натиска, и особенно благопріятное стеченіе обстоятельствъ. Не нужно забывать, что поддаться силѣ этого натиска, уступить православнымъ очень много значило и съ точки зрѣнія ихъ церковно-политическихъ противниковъ. Православные, въ случаѣ успѣха ихъ замысла, сразу возвращали себѣ очень многое изъ того, что они потеряли въ послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Въ составѣ православныхъ силъ, боровшихся на сеймѣ 1620 года за права своей церкви, не произошло никакихъ существенныхъ переменъ по сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ борьбы. И теперь она велась исключительно шляхетскими православными силами. Виленское православное братство, хотя попрежнему приняло участіе въ сеймовой борьбѣ съ унией, но могло дѣйствовать тоже только посредствомъ православныхъ шляхетскихъ силъ сейма. А эти послѣднія даже въ эпоху такихъ сильныхъ внутреннихъ политическихъ движеній, какимъ былъ рокошъ 1606—1609 гг., не свернули въ сторону съ строго-легальнаго пути. Лояльность въ отношеніи къ королевской власти была, если угодно, какъ бы преимущественной политической ихъ добродѣтью. При такомъ общемъ политическомъ настроеніи ихъ, можно ли было вообще ожидать отъ нихъ рѣзкаго активнаго протеста противъ сложившагося порядка вещей. Нельзя не видѣть, съ другой стороны, и того, что основной сеймовый вопросъ былъ самъ по себѣ такого рода, что южно-русскихъ земскихъ пословъ связывалъ по рукамъ и по ногамъ. Обсуждавшаяся сеймомъ война всѣми своими бѣдствіями грозила имъ прежде всего и больше

всего. Не имъ было диктовать сейму властную волю Русь! Мы выписали выше изъ сеймоваго дневника ихъ слезныя мольбы къ сейму о помощи.

Та южно-русская сила, которая всего сильнѣе содѣйствовала восстановленію осенью 1620 года православной церковной іерархіи, сама въ сеймовой борьбѣ за нее еще не приняла участія. На сеймѣ 1620 года никакихъ представителей запорожскаго казачества не было ⁴³). Повидимому, къ этому времени вообще еще не установилось правильныхъ сношеній между центральнымъ польскимъ правительствомъ и повымъ запорожскимъ гетманомъ. Въ отвѣтной рѣчи короля на сеймѣ (подъ 23 ноября) Бородавка трактуется еще, какъ непризнанный польскимъ правительствомъ вождь запорожскаго войска... Отсутствіе непосредственнаго воздѣйствія на сеймъ 1620 года со стороны запорожскаго казачества было главной причиной малаго успѣха на немъ православныхъ.

Мы уже видѣли выше, что польское правительство для того, чтобы привлечь запорожскихъ казаковъ на свою сторону, вынуждено было само прибѣгнуть къ посредничеству патр. Теофана. Передъ праздникомъ Рождества Христова особо посланный королемъ коморникъ Оболковскій передалъ патриарху въ Терехтемировѣ извѣстное уже намъ письмо къ нему Сигизмунда отъ 10 ноября 1620 года. Въмѣстѣ съ письмомъ Оболковскій вручилъ патриарху королевскій подарокъ («нѣсколько сотъ червошцевъ»). Кроме письма, онъ устно передалъ патриарху то, что ему довѣрено было королемъ ⁴⁴). Результатомъ королевскаго обращенія къ патр. Теофану и было изданіе имъ особой грамоты (отъ 7 янв. 1621 г. изъ Терехтемировскаго монастыря) гетману (каковымъ тогда былъ Яковъ Бородавка), полковникамъ, сотникамъ, эсауламъ, атаманамъ и всему пре-

⁴³) Еп. Ликовскій (стр. 244) ошибочно (хотя и ссылается на римскій архивъ пропаганды) утверждаетъ, что на ноябрьскомъ сеймѣ 1620 года лично присутствовали Конашевичъ-Сагайдачный и новоносвященный православный епископъ Курцевичъ. Курцевичъ и въ санъ епископа посвященъ только въ слѣдующемъ 1621 г.

⁴⁴) Протестация митр. Юва Борецкаго отъ 28 апр. 1621 года. Обалковскому поручено было королемъ и самому воздѣйствовать на казаковъ въ желательномъ польскому правительству смыслѣ, какъ это видно изъ грамоты патриарха Теофана запорожскому войску (Ver. піев., 2 изд., стр. 4 об. послѣ стр. 28). Въ самомъ Терехтемировѣ была для этого полная возможность.

честному и прызнаменитому войску запорожскому. Этой грамотой патріархъ Теофанъ просилъ ихъ всѣхъ, какъ духовныхъ своихъ сыновъ, стать «со всяческой охотою и всею силою своею» на защиту своего отечества отъ грознаго врага. «Я обращаюсь къ вамъ (писалъ онъ) съ моимъ предствательствомъ и просьбой...» «Во мнѣ вы и все войско запорожское будете имѣть за это непрестаннаго молитвенника...» Изданіемъ грамоты со стороны патр. Теофана не ограничилось дѣло. О необходимости дружнаго отпора врагу онъ «неоднократно устно говорилъ тѣмъ полковникамъ и сотникамъ, которые всегда при немъ находились, особенно же пану Петру Конашевичу—Сагайдачному»⁴⁵).

Увѣщевая запорожскихъ казаковъ принять участіе въ оборонѣ польскаго государства отъ турокъ, патр. Теофанъ не скрывалъ отъ нихъ того, что польскій король присылалъ къ нему по этому дѣлу особаго посла. Въ числѣ другихъ мотивовъ къ исполненію казаками королевской воли онъ съ особенной силой указывалъ и на то, что они за свою военную услугу легко могутъ получить отъ короля признаніе возстановленной имъ іерархіи. Патр. Теофанъ могъ теперь болѣе, чѣмъ прежде, искренно вѣрить въ возможность этого... Этимъ, вѣроятно, и объясняется то, что послѣ довольно долгаго промежутка со времени первыхъ трехъ хиротоній онъ въ январѣ 1621 года посвятилъ для южной Руси еще трехъ епископовъ—терехтемировскаго архимандрита Іезекіиля Курцевича на владиміро-брестскую кафедру, черницкаго игумена Исаакія Борисковича на луцко-острожскую и мелецкаго игумена Паисія Ипполитовича на холмскую (пинскую епископію предоставилъ пришлому (стагонскому) греческому епископу Папкію). Послѣ этихъ новыхъ хиротоній высшая западно-русская православная іерархія получила полный составъ, какой она имѣла до Бресткаго собора 1596 года.

Три послѣднихъ архіерейскихъ хиротоній совершены патр. Теофаномъ уже во время сего переѣзда къ молдавской границѣ (въ Терехтемировѣ, Животовѣ и Бѣлой Церкви). Патріарха сопровождали посвященные имъ митрополитъ и епископы (за исключеніемъ Мелетія Смотрицкаго)⁴⁶). Вездѣ по пути онъ

⁴⁵ Ver. піев., 2 изд., 4—5 об. стр. послѣ стр. 28. Заслуживаетъ тугъ вниманія указаніе на особенную близость патр. Теофана къ Сагайдачному.

⁴⁶ Подробности объ январскихъ хиротоніяхъ см. у митр. Макарія.

встрѣчалъ радушный пріемъ со стороны шляхтичей-землевладельцевъ. Объ удобствахъ его путешествія заботились даже рим.-католики (напр. краков. каштеленъ кн. Збаражскій и кievскій католическій епископъ Богуславъ Радошевскій-Бокша)⁴⁷). Охрану патр. Теофана въ пути запорожскій гетманъ Бородавка и все войско запорожское поручили полковнику Сагайдачному, который, выбравши безопасное отъ татаръ и разбойниковъ время, препроводилъ его изъ Тохтемировскаго монастыря въ Сороку⁴⁸). Сагайдачный стоялъ во главѣ «отборнаго полка рыцарскаго люда», состоявшаго изъ трехъ тысячъ человѣкъ⁴⁹). Прощаніе патр. Теофана съ сопровождающими его произошло въ г. Бушѣ. Патр. Теофанъ повторилъ и тутъ свое увѣщаніе запорожскимъ казакамъ выступить мужественно противъ врага всего христіанства⁵⁰).

Три года прожилъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ среди русскаго народа (по преимуществу въ Тулѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Терехтемировѣ). Онъ былъ свидѣтелемъ послѣдняго фазиса русско-польской борьбы начала XVII вѣка, ознаменовавшагося дѣятельнымъ участіемъ въ немъ запорожскаго казачества (подъ предводительствомъ гетмана Сагайдачнаго) и завершившагося заключеніемъ Деулинскаго перемирія Москвы съ Польшей⁵¹). Едва ли остались для патр. Теофана секретомъ сношенія гетмана Сагайдачнаго съ Москвой въ началѣ 1620 года. Въ первые же мѣсяцы пребыванія своего въ подвластной польскому королю Руси онъ былъ свидѣтелемъ низверженія славнаго запорожскаго гетмана, такъ радушно-торжественно встрѣтившаго его на польской границѣ и оставшагося до послѣдней минуты пребыванія его въ польскихъ предѣлахъ близкимъ къ нему человѣкомъ. Въ казацкомъ Терехтемировскомъ мона-

(XI, 260—262) воспользовавшагося, кромѣ Густынской монастырской лѣтописи, данными изъ Москов. главн. архива мин. иностр. дѣлъ.

⁴⁷) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 299, Verificatia; ib., 390, Obrona. Ср. Протестацію отъ 28 апр. 1621 г.

⁴⁸) Протестація м. Іова отъ 28 апр. 1621 г.

⁴⁹) Уг. пiew., 2 изд., стр. 5 об. (дослѣ 28); Густын. мон. лѣт. (ср. прим. 52).

⁵⁰) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 340.

⁵¹) По словамъ протестаціи митр. Іова Борецкаго отъ 28 апр. 1621 г., патр. Теофанъ содѣйствовалъ примиренію Москвы съ Польшей. Мелетій (Смотрицкій въ свидѣтели этого призывалъ само коронное и литовское жолнерство, служившее съ королевичемъ Владиславомъ подъ Москвой и слышавшее о немъ (Теофанъ) въ Тулѣ (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 380, Obrona)

стырѣ (главномъ, повидимому, мѣстѣ его пребыванія въ южной Руси) онъ былъ въ постоянномъ живомъ соприкосновеніи съ тѣми русскими въ польскомъ государствѣ элементами, у которыхъ русское народное чувство было всего живѣе и сильнѣе. Единство русской народности на всемъ обширномъ просторѣ, который ему суждено было проѣхать, вотъ тотъ основной фактъ, который долженъ былъ остаться въ его сознаниі, какъ результатъ всѣхъ его многообразныхъ жизненныхъ столкновений здѣсь съ людьми въ столь богатый событіями промежутокъ времени. Неудивительно, что народное единство всей Руси и было той послѣдней идеей, которая явилась передъ его сознаниемъ въ торжественную минуту его разлуки навсегда съ тѣми порубежными русскими людьми, которые бѣжали сюда, на крайній югъ, отъ тяжелаго гнета чуждыхъ имъ социальна-политическихъ условій жизни ⁵²). Возстановленная имъ высшая православная западно-русская іерархія, вмѣстѣ съ запорожцами провожавшая его до молдавской границы, и были призвана прежде всего поддержать внутреннее православно-народное единство всей Руси.

П. Жуковичъ.

⁵²) Густынская монастырская лѣтопись рассказываетъ, что патр. Теофана увѣщевалъ казаковъ „не ходить на Москву, народъ христіанскій, бранію“. „Аще презрите мое прошеніе, сказалъ онъ, истребитъ васъ Богъ, но не дерзайте сея злости творити вѣрнымъ христіаномъ“ (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос., 1848, № 8. стр. 16—17). Приведенное увѣщаніе патр. Теофана запорожскимъ казакамъ стояло, конечно, въ связи съ недавнимъ походомъ ихъ подъ Москву. Гетманъ ихъ въ то время Сагайдачный могъ теперь воспроизвести въ своемъ сознаниі и этотъ свой походъ подъ Москву, и Растваицкую комиссію, и свое низверженіе въ гетманскаго достоинства (стоявшія въ причинной связи). Авторъ *Sowitey winy* пишетъ, что патр. Теофанъ „попросту бранилъ казаковъ за то, что они ходили на Москву, говоря, что за это они подпали проклятію, указывая для этого то основаніе, что Москва—Христіане“ (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. 1, т. VII, 485). Мелетій Смотрицкій пишетъ, что Сагайдачный отъ имени всего войска просилъ патр. Теофана „о прощеніи сознанаго грѣха пролитой христіанской крови подъ Москвой“. Патр. Теофанъ объяснилъ запорожскимъ казаками, что грѣхъ ихъ не въ томъ, что они по долгу подданства королю участвовали въ войнѣ съ Москвой, а въ допущенныхъ ими жестокостяхъ истребленія людей и обезчещенія женщинъ (ib., 340, Ver.).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки